

Александр Богданов: нереализованный проект социологии

Илья Кононов, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

В статье рассмотрены социологические идеи выдающегося ученого и политического деятеля Александра Александровича Богданова. Показано, что проблемы социологии он рассматривал практически во всех своих произведениях, но социологом себя не считал. В разных работах социологические идеи погружены в разные эпистемологические контексты. В «Эмпириомонизме» отправной точкой анализа фактически является социология знания, однако сам автор считает, что такой является философия опыта. Неадекватный исследовательский метод привел к противоречивой теории опыта. В «Тектологии» проблемы общественной жизни рассматриваются в широком кибернетическом контексте, который обуславливает поиск общих черт во всех системах нашего мира. «Наука об общественном сознании» – наиболее социологическое произведение А. А. Богданова. Однако и в нем социологические проблемы рассматриваются с точки зрения истории и теории управления. Парадокс состоит в том, что именно социологические идеи, гипотезы и концепции мыслителя с позиций сегодняшнего дня являются наиболее перспективными для дальнейшего развития. В статье реконструирована часть социологического наследия А. А. Богданова – его теоретическая социология. Показано, что социальность он объяснял через понятие трудового коллектива, который является базовым уровнем общественной жизни. Общество как системное образование предполагает организацию трех базовых элементов – людей, вещей и идей, что дает технику, экономику и идеологию. Идеологию А. А. Богданов понимал шире, чем большинство социологов и в то время, и сейчас. Для него она тождественна общественному сознанию, предназначение которого в организации людей для коллективной деятельности. Первичной формой идеологии является естественный язык. А. А. Богданов большое внимание уделял анализу теорий Людвигу Нуаре и Макса Мюллера (соответственно, трудовых криков и основной метафоры). Ученый показывает социальную природу языка и прослеживает историю его развития в единстве с развитием общества. На основании положений теоретической социологии А. А. Богданов предложил оригинальные гипотезы о разграничении классов и профессиональных групп, дал анализ манипулятивных возможностей классовой идеологии. Социология А. А. Богданова созвучна потребностям сегодняшнего дня, позволяет в единой перспективе соединить и учение о существующем, и учение о возможном и желаемом будущем общества.

Ключевые слова: : А. А. Богданов, социология, теоретическая социология, философия, тектология, идеология, общественное сознание, язык, трудовой коллектив, организация

Alexander Bogdanov: unimplemented project of sociology

Iliia Kononov, Luhansk Taras Shevchenko National University

The article analyzes the sociological ideas of Alexander Alexandrovich Bogdanov, an outstanding scientist and political figure, one of the founders of the Bolshevik party, and then a permanent opponent of V. I. Lenin. It was identified that he reviewed the problems of sociology in almost all his works, but he did not consider himself a sociologist and focus on the subject field of sociology. The sociological ideas in his works are immersed into different epistemological contexts. In Empiriomonism, the sociology of knowledge was in fact the starting point of analysis, but the author himself believed that he was creating a critical philosophy of experience. An inadequate research method made his philosophical theory controversial. In Tectology, the problems of social life are considered in a broad cybernetic context, which determines the search for common features in all the systems of our world. The Science of Social Consciousness is Alexander Bogdanov's the most sociological work. However, sociological problems are considered there from the viewpoint of history and management theory. The paradox is that the sociological ideas, hypotheses and the thinker's concepts are the most promising for to be used in solving modern sociology problems. They are concordant with the modern problems of the global society. The article reconstructs a part of the sociological heritage of A. A. Bogdanov, i.e. his theoretical sociology. It is shown that he explained sociality through the concept of the work collective, which is the basic level of social life. The society as a systemic education assumes the organization of three basic elements such as people, things and ideas, which contributes to technology, economics and ideology. A. A. Bogdanov had understood the

ideology more broadly than most sociologists both at that time and now. For him, it is identical to social consciousness which intended purpose is to organize people for collective activity. A natural language is the primary form of ideology. A. A. Bogdanov had focused much attention on the analysis of Ludwig Noiré's hypothesis on «cries and shouts during a common work» and Max Müller's theory of essential metaphor. The scientist shows the social nature of the language and traces the history of its development in unity with the society development. Based on the principles of theoretical sociology, A. A. Bogdanov proposed original hypotheses on the distinction between classes and professional groups and analyzed the manipulative possibilities of the class ideology. Alexander Bogdanov's sociology allows, in a single perspective, to combine both the doctrine of existing and the doctrine of possible and desired future of the society. In this capacity, it is still an unused reserve of science, which should attract modern researchers.

Keywords: *A. A. Bogdanov, sociology, theoretical sociology, philosophy, tectology, ideology, social consciousness, language, work collective, organization*

Олександр Богданов: нереалізований проект соціології

Ілля Кононов, Луганський національний університет імені Тараса Шевченка

У статті розглянуті соціологічні ідеї видатного вченого і політичного діяча Олександра Олександровича Богданова. Показано, що проблеми соціології він розглядав практично у всіх своїх творах, але соціологом себе не вважав. У різних роботах соціологічні ідеї занурені у відмінні епістемологічні контексти. У «Емпіріомонізмі» відправною точкою аналізу фактично є соціологія знання, проте сам автор вважає, що такою є філософія досвіду. Неадекватний дослідницький метод привів до суперечливої теорії досвіду. У «Тектології» проблеми суспільного життя розглядаються в широкому кібернетичному контексті, який обумовлює пошук спільних рис у всіх системах нашого світу. «Наука про суспільну свідомість» – найбільш соціологічний твір О. О. Богданова. Однак і в ньому соціологічні проблеми розглядаються з точки зору історії та теорії управління. Парадокс полягає в тому, що саме соціологічні ідеї, гіпотези і концепції мислителя з позицій сьогодення є найбільш перспективними для подальшого розвитку. У статті реконструйована частина соціологічного спадщини О. О. Богданова – його теоретична соціологія. Показано, що соціальність він пояснював через поняття трудового колективу, який є базовим рівнем суспільного життя. Суспільство як системне утворення передбачає організацію трьох базових елементів – людей, речей та ідей, що дає техніку, економіку та ідеологію. Ідеологію О. О. Богданов розумів ширше, ніж більшість соціологів і в той час, і зараз. Для нього вона була тотожною суспільній свідомості, призначення якої в організації людей для колективної діяльності. Первинною формою ідеології є природна мова. О. О. Богданов велику увагу приділяв аналізу теорій Людвіга Нуаре і Макса Мюллера (відповідно, трудових криків і основної метафори). Вчений показує соціальну природу мови і простежує історію її розвитку в єдності з розвитком суспільства. На підставі положень теоретичної соціології О. О. Богданов запропонував оригінальні гіпотези про розмежування класів і професійних груп, дав аналіз маніпулятивних можливостей класової ідеології. Соціологія О. О. Богданова співзвучна потребам сьогодення, дозволяє в єдиній перспективі з'єднати і вчення про наявне, і вчення про можливе і бажане майбутнє суспільства.

Ключові слова: *О. О. Богданов, соціологія, теоретична соціологія, філософія, тектологія, ідеологія, суспільна свідомість, мова, трудовий колектив, організація*

Постановка проблеми.

В современной социологии важнейшим вопросом является вопрос о форме общественного устройства, которая даст возможность виду Homo sapiens сохраниться и развиваться. К сожалению, в доминирующих социологических парадигмах вопрос о будущем или вообще не ставится, или решается крайне неопределенно. Это заставляет обращаться к интеллектуальному резерву, который оказался на

долгие годы маргинализированным. Имею в виду проекты марксистской социологии. Когда-то Любовь Аксельрод выразила общее убеждение марксистов своего времени так: «...Научный социализм теснейшим образом связан с философским диалектическим материализмом, представляя собою его социологическое и логическое продолжение» [Аксельрод, 1933: 108]. В данном случае социология оказывалась проектом будущего общественного устройства. Правда, реализация это-

го проекта в СССР привела к его догматизации, а социология на ряд лет вообще сошла с интеллектуального горизонта страны.

Впрочем, проект будущего общества в рамках марксизма был не один. Если взять только РСДРП, а затем РКП(б), ВКП(б), то и в этой организации долгое время шла борьба между проектами не только меньшевиков и большевиков, но и в рамках большевизма. Одной из самых оригинальных фигур в большевизме был Александр Богданов (Малиновский). Его работы стали важной методологической основой одной из наиболее перспективных попыток создать марксистскую теоретическую социологию, предпринятую Николаем Бухариным. При этом сам А. Богданов итогом своих изысканий считал не социологию, а тектологию.

Анализ исследований и публикаций.

Об Александре Богданове писали и пишут много. Традицию рассматривать основоположника тектологии как *enfant terrible* марксизма заложил В. И. Ленин. Известно, что споры с А. Богдановым побудили его взяться за философские вопросы, что вначале вылилось в несохранившуюся рукопись 1906 г. «Заметки рядового марксиста о философии» [Ленин, 1968: 513–514]. В «Материализме и эмпириокритицизме», если верить указателю имен к 18 тому полного собрания сочинений Ленина, он в более чем 50 фрагментах текста обращается к критике Богданова. Ленинская стилистика достаточно грубая. Он постоянно писал о своих оппонентах примерно так: «Читать – читали и переписывать – переписывали, а что к чему, не поняли» [Ленин, 1968: 195]. Порой столь же общие обвинения он адресовал и своему бывшему другу по партии: «...Богданов только лишний раз обнаружил этим своё абсолютное незнание ни материализма, ни диалектики» [Ленин, 1963: 135]. Конечно, далеко не все выпады Ленина были столь беспредметными. Он говорит, что, хотя Богданов субъективно является врагом всяческой реакции, но отрицание им объективной истины «есть агностицизм и субъективизм» [Ленин, 1968: 124]. Он подчеркивает, что увлечение теориями Маха и Авенариуса отбрасывает философские поиски далеко назад. «Старый, престарелый хлам – вот чем оказываются все возражения против материализма, делаемы с точки “новейшего позитивизма”» [Ленин, 1968: 140]. Он категорически возражает против отождествления общественного сознания и общественного бытия, заявляя, что «...приведенное нами положение его неверно. Общественное бытие и общественное

сознание не тождественны, – совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще» [Ленин, 1968: 343].

Можно спорить о доказательности ленинской аргументации, когда он противопоставляет оппоненту свое видение проблемы. Но на советских авторов большее впечатление производили выводы Ленина. Они ставили А. Богданова за пределы марксизма: «Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже ранее добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. <...> Перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза» [Ленин, 1968: 348–349].

В советское время ленинские оценки были канонизированы. Исаак Разумовский мог, например, походя написать такое: «Внутренний идеализм философских построений А. Богданова слишком хорошо известен, чтобы на нем нужно было бы здесь останавливаться. Общеизвестно также, какое значение в его схемах имеют «универсальные» организационные принципы, организационные формы, организованное познание и «организаторы» всех видов, начиная с души – «организатора» человеческого тела. К сожалению, та же идеалистическая тенденция обнаруживается в его считавшейся до сих пор почти неуязвимой и служившей основой для многих дальнейших построений теории “идеологии”» [Разумовский, 1923: 266–267]. Чудовищное утверждение о «внутреннем идеализме» молодому автору не представлялось необходимым даже обосновывать, не говоря уже о том, чтобы доказывать.

В 1920-е гг. особенно усердствовали в критике А. Богданова советские философы, группировавшиеся вокруг Абрама Деборина («диалектики»). Глава школы гордился, что еще до 1917 г. (будучи меньшевиком), спорил с А. Богдановым и заслужил похвалу В. Ленина [Деборин, 1929: 16–17]. В период хрущевской оттепели, получив возможность издать сборник своих трудов, А. Деборин в специальном предисловии находит нужным повторить обвинения в адрес А. Богданова. Он писал, возвращаясь к своей молодости: «Одним из видных представителей ревизионистской идеологии в рядах самой партии был в то время А. А. Богданов» [Деборин, 1961: 4]. Видимо, создатель тектологии так его волновал, что А. Деборин даже предложил периодизацию его идейных исканий: 1) начиная с конца XIX в., находился под влиянием В. Оствальда; 2) создание эмпириомонизма; 3) тектологический период [Деборин,

1961: 4]. Даже в конце жизни старый философ не раскаивался, что возглавляемый им журнал «Под знаменем марксизма» занимался систематической травлей творческого человека. Он писал: «Вплоть до конца 20-х гг. оставалась самой актуальной задачей борьба против возрождения махистской идеалистической философии в области общественных наук под видом “всеобщей организационной науки” А. Богданова. Одним из главных проповедников махизма выступил также Бухарин со своей теорией “равновесия”» [Деборин, 1961: 7].

Ведущий на тот момент философский журнал «Под знаменем марксизма» начал специальную кампанию против тектологии, предварив статью Израиля Вайнштейна «Тектология и тактика» такими словами: «Помещая статью тов. Вайнштейна, редакция считает одной из очередных задач подробную критику с точки зрения диалектического материализма “Тектологии” Богданова. Настоящую статью редакция рассматривает, как первую попытку в этом направлении» [Вайнштейн, 1924: 90]. И. Вайнштейн о тектологии писал следующее: «Она означает организацию мирового опыта, совпадающего с нашим опытом, при помощи универсальных тектологических методов. Эти же универсальные методы выдают её гносеологический облик: психологический, идеалистический, метафизический, так как тектология антиисторична и безжалостно укладывает в свои биологические схемы мировой опыт, идентичный с социальной практикой, совершенно безотносительно и независимо от той исторической физиологии, которую принимает и может принимать человечество в результате его имманентного развития и присущих ему исторических законов» [Вайнштейн, 1924: 90]. А. Богданов к подобной критике пытался отнестись с юмором. Он не нашел ничего для ответа критику, как написать: «Дело в том, что ... стыдно сознаться, но ... я этой статье не понял» [Богданов, 2003: 410].

Наверное, самым объективным текстом об А. Богданове, опубликованным журналом «Под знаменем марксизма», стал некролог, в котором Степан Кривцов писал, что «...по существу Богданов никогда ортодоксом не был, что он всегда пытался идти самостоятельным путем и что эта “кажущаяся” самостоятельность является теоретическим источником его политических ошибок» [Кривцов, 1928: 180]. Сейчас такие слова можно считать похвалой от бывшего товарища по «Пролеткульту».

Новый приступ «критики» А. Богданова в

СССР связан с проработкой Николая Бухарина. Борис Гессен и Иван Подволоцкий начинали с ленинских замечаний на бухаринскую «Экономику переходного периода», но главным обвиняемым у них выходит А. Богданов: «Недаром поэтому Ленин, к приведенному выше месту, делает следующее уничтожающее замечание: “Моя (т.е. тов. Бухарина) богдановская Begriffsscholastik (схоластика понятий) есть главный враг мой”». Так завершается круг. От богдановской теории равновесия вместо диалектики, через богдановскую трактовку “теории трансформационного процесса” с точки зрения равновесия между “общественно-людскими группировками” и внешней средой к теории вставания кулака в социализм и правому оппортунизму на практике» [Гессен, Подволоцкий, 1929: 29].

На смену практически поголовно физически уничтоженным «диалектикам» приходит публика менее образованная и готовая не просто критиковать, но измышлять поводы для критики. Одним из характерных персонажей той эпохи, сделавших карьеру на критике А. Богданова, был Алексей Щеглов. Он защитил диссертацию, а затем и издал книжку о борьбе Ленина с «богдановщиной» [Щеглов, 1937]. Этот, на тот момент молодой, выдвигенец разнузданно призывал «развезть в прах все и всякие богдановско-бухаринские реставраторские буржуазные “теории”, являющиеся орудием фашистской контрреволюции в борьбе против победившего в СССР социализма» [Цит. по: Гловели, Фигуровская, 1990: 27]. Он же запустил в научный обиход клевету о том, что якобы А. Богданов, будучи идеологом «Пролеткульту», призывал расправиться со всем предшествующим культурным наследием. А. Щеглову недолго пришлось почивать на лаврах. В 1940 г. он был арестован и приговорен к 8 годам лагерей. Освободившись, не брезговал работой инспектором в Нырбском ИТЛ. После реабилитации в 1957 г. занимался преподавательской деятельностью, заведовал кафедрой философии Пермского госуниверситета, затем такой же кафедрой в Кишинёвском госуниверситете [Костицын, 2003: 42–45]. Ни лагерь, ни критика «культы личности» не заставили А. Щеглова изменить свои взгляды. В середине 1960-х гг. безо всякого намека на иронию он учил студентов, что «... в наибольшей мере марксистско-ленинская философия была обогащена в решениях съездов, пленумов ЦК КПСС, в процессе решения партией актуальных задач социалистического строительства» [Щеглов, 1965: 10]. А. Щеглов защитил докторскую диссертацию

цию по философии, стал профессором, тиражируя клевету на А. Богданова. Приведу довольно длинную цитату из книги, изданной в 1977 г., где автор вёл речь о деятельности автора тектологии как одного из руководителей «Пролеткульта»: «В первые годы после Октябрьской революции был создан так называемый «Пролеткульт». Он предлагал строить пролетарскую культуру в отрыве от задач социалистического строительства, полностью отказаться от использования богатейшего культурного наследия, накопленного человечеством в течение тысячелетий. Был выброшен лозунг: «Сожжем Рафаэля, растопчем искусства цветы!». «Пролеткульт» пытался даже поставить себя над партией и государством, требуя для себя монополии на руководство всем культурно-идеологическим строительством» [Щеглов, 1977: 81]. Тут А. Щеглов просто повторял то, что придумал еще в 1935 г. В другом месте он делился иным измышлением: «Шаг за шагом Богданов солидаризовался с буржуазными социологами и в отрицании марксистского учения о классах и классовой борьбе» [Щеглов, 1977: 80]. При этом нет ни одной ссылки на работы самого А. Богданова! Если А. Щеглов и приводит слова критикуемого мыслителя, то только по сочинениям Ленина. Между тем, А. Богданов в 1918 г. обращался к читателям первого номера журнала «Пролетарская культура» с таким призывом: «... Мы живем в коллективе не только настоящего, мы живем в сотрудничестве поколений. Это – не сотрудничество классов, оно ему противоположно. Все работники, все передовые борцы прошлого – наши товарищи, к каким бы классам они не принадлежали» [Богданов, 1924: 122–123]. Поэтому А. Богданов не мог разделять настроения Владимира Кириллова в стихотворении «Мы»:

*«Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы»*

[Кириллов, 1917].

В работах советских философов А. Богданов до Перестройки оставался объектом обязательной критики. Этому отдавали дань не только карьеристы, но и выдающиеся специалисты [Ильенков, 1980; Володин, 1982]. При этом на тот момент развитие кибернетики и системных исследований позволило говорить о работах А. Богданова как о научно продуктивных и созвучных современным задачам [Блауберг, 1969; Сетров, 1970; Тахтаджян, 1972]. С 1960-х гг. на Западе появляются обстоятельные монографии и статьи о разных аспектах

деятельности и творчества мыслителя [Grille, 1966; Sochor, 1988; Биггард, 1993; Рисполи, 2014]. Обзор западных публикаций о творчестве А. Богданова сделал А. Рыбас [Рыбас, 2010].

После 1991 г. на просторах бывшего СССР тональность работ об Александре Богданове радикально изменилась. Богдановедение стало популярным синтетическим направлением исследований для философов, историков и экономистов [Моисеев, 1995; Тахтаджян, 2001; Любутин, Толмачев, 2005; Протьюко, Грицанов, 2009; Квитка, 2006; Попков, 2013; Рыбас, 2016; Павлов, 2017]. Защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций. Появились работы, анализирующие историографию богдановедения [Локтионов, 2016; Луценко, 2018].

Цель исследования состоит в реконструкции теоретической социологии А. Богданова. Она обусловлена тем, что до настоящего времени системно его социологические идеи не рассматривались. Для их реконструкции необходимо проанализировать социологические идеи мыслителя в единстве с другими аспектами его творчества, в первую очередь с философскими. С целью достижения понятности изложения мы будем избегать привлечения специальной терминологии из богдановских произведений «Эмпириомонизм» и «Тектология».

Изложение основного материала.

Говоря о социологических идеях в произведениях А. Богданова, мы сталкиваемся с парадоксом. Именно эти идеи с позиции сегодняшнего дня являются наиболее интересной частью его теоретического наследия, но их автор себя социологом не считал. Он употреблял понятие «социология», но предметное поле науки для него, видимо, было нечетким [Богданов, 2003а: 20]. Иногда он вообще использовал понятие «социальная наука» [Богданов, 1990: 295]. Если взять три его этапные работы, то в каждой из них вопросы социологии рассматриваются в новом эпистемологическом контексте.

В «Эмпириомонизме» (в виде очерков текст публиковался в 1904–1906 гг.) социологические проблемы изложены философским языком. Более того, субъективно автор книги их считает философскими. В «Науке об общественном сознании», первое издание которой датировано 1913 г., контекст виден уже из названия. Над «Тектологией» автор работал 10 лет и публиковал очерки с 1912 по 1922 гг. Здесь социологические проблемы помещены в особый контекст всеобщей науки управления, которая выявляет общее во всей

действительности. С современных позиций его можно назвать кибернетическим. Кроме того, социологическое содержание есть практически в любой другой работе А. Богданова.

Философия А. Богданова. Свою философскую теорию А. Богданов назвал эмпириомонизмом. Она стала результатом его просто маниакального стремления к монистической картине мира. Её создатель считал, что в материализме или идеализме полного монизма не достигнуто из-за стержневого для этих систем мысли противопоставления материи и духа. Он писал: «Наша точка зрения устраняет понятия “материи” и “духа” как неточные и запутывающие анализ» [Богданов, 2003а: 332]. Монизм им достигался за счет признания опыта единственной реальностью: «Единый мир опыта выступает как содержание для единого познания. Это – эмпириомонизм» [Богданов, 2003а: 33].

Непротиворечивого учения об опыте А. Богданову создать не удалось. Во-первых, опыт пришлось разделить на коллективный и индивидуальный: «... Поскольку данные опыта выступают в зависимости от состояния данной нервной системы, постольку они образуют психический мир данной личности; поскольку данные опыта берутся вне такой зависимости, постольку перед нами физический мир» [Богданов, 2003а: 11]. Объективность физического мира выводится из его общезначимости: «Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня. Объективность физического ряда – это его общезначимость» [Богданов, 2003а: 15].

Не буду иронизировать по поводу решения А. Богданова. Проблема слишком сложна, чтобы обойтись иронией. Но богдановское решение вело к ряду импликаций, позволяющих сомневаться в продуктивности предложенного решения. Первая из них касалась объективности истины. Создатель эмпириомонизма был вполне последователен, когда писал: «...Для меня марксизм включает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин» [Богданов, 2003а: 217]. Объективность истины означает наличие в нашем знании моментов, ликвидирующих противоречие между субъектом и объектом, моментов их относительного тождества. Такие моменты делают возможной практику как объективный процесс. А. Богданов связывал истину с практикой, но иначе: «Истина – это живая организующая форма опыта, она ведет нас куда-нибудь в нашей деятельности, даёт точку

опоры в жизненной борьбе; разве “банальности”, поскольку они “плоски”, подходят к этой характеристике?» [Богданов, 2003а: 219].

Спор с Лениным и его последствия. Определение истины А. Богдановым стало одним из пунктов его знаменитого философского спора с В. Лениным. Последний определил гносеологическую суть истины, сформулировав вопрос: «...Может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?» [Ленин, 1968: 123]. Вопрос поставлен с точки зрения теории отражения, поставлен слишком однозначно, но он верно предполагает, что истина позволяет субъекту двигаться по законам объекта. К тому же В. Ленин истину понимал процессуально, говоря, что через относительные истины мы приближаемся к истине абсолютной. Из этого, по его мнению, следовало, что «...нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существование объективной истины» [Ленин, 1968: 124]. Понятие абсолютной истины он использовал вслед за Ф. Энгельсом и И. Дицгеном. При этом из примеров становится видно, что под это понятие ими подводились разные формы знания. С одной стороны, это факты. В. Ленин повторяет пример Ф. Энгельса о том, что Наполеон умер 5 мая 1821 года и пишет, что «всякий без труда придумает десятки подобных примеров истин, которые являются вечными, абсолютными, сомневаться в которых позволительно только сумасшедшим (как говорит Энгельс, приводя другой такой же пример: “Париж находится во Франции”» [Ленин, 1968: 134]. Но какая в данном случае процессуальность? Какая здесь диалектика относительной и абсолютной истин? Второе понимание – это идеал познания, который может быть реализован лишь в бесконечной череде поколений, как говорил Ф. Энгельс. В. Ленин после обширных цитат заключает, что «Богданов – релятивист. Энгельс – диалектик» [Ленин, 1968: 136]. Но в данном случае абсолютная истина есть никогда не достигаемый ориентир познания, предполагающий познаваемость мира. Третье понимание касается неких философских положений общего порядка, как материальность мира, вечность природы, всеобщность причинности. В. Ленин ссылается на И. Дицгена, который весьма смутно отражает это словоупотребление [Ленин, 1968: 137]. И от себя лично В. Ленин адресовал А. Богданову каверзное утверждение: «Если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то, значит, истиной является и учение, скажем, католицизма» [Ленин, 1968: 125].

А. Богданов ответил на ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» памфлетом «Вера и наука». Вначале он вел достаточно скучную полемику об истине факта (о дате смерти Наполеона). При этом его приемы можно определить немецким словом *Die Schrulle* (каприз, прихоть, выверт). Вначале в духе буддизма он заявлял, что не следует абсолютизировать индивидуальное «Я», а затем делал вывод: «И потому в той мысли, которую современный человек выражает словами “Наполеон умер 5 мая 1821 года” уже есть несомненное заблуждение: в подлежащем мыслится великий социально-культурный деятель, а сказуемое относится к жалкой развалине, исторически ничтожной» [Богданов, 1910]. Но ведь несомненно, что эта «жалкая развалина» когда-то была «великим социально-культурным деятелем». Замечания относительно летосчисления, понятия смерти и пр. мелки и сути дела не касаются.

Не менее смело А. Богданов бросался в ловушку, приготовленную для него В. Лениным: «Католицизм был истиной в ту эпоху, когда он связно и стройно объединил наибольшую сумму человеческих переживаний – в феодальную эпоху» [Богданов, 1910]. Понятно желание автора быть последовательным. Но как его понимать? Католицизм был истиной как что? Как церковь? Как вероучение? Какие части вероучения в таком случае автор признает истинным, а какие нет? При чем здесь переживания, и какое отношение они имеют к истине? Здесь мы имеем дело, скорее, с философским безрассудством, чем с приращением знания через спор.

Но В. Ленин в этом споре вовсе не выглядел победителем. А. Богданов нашел уязвимое место в его утверждениях об абсолютной истине. Как мы уже видели, данное понятие весьма неопределенно: «...В абсолютное, ведь, можно только верить, знать его – нельзя, оно вне опыта» [Богданов, 1910]. Это даёт основание А. Богданову обвинить В. Ленина в самом страшном для автора «Материализма и эмпириокритицизма» – в религиозном мышлении. Он писал об общем стиле полемики В. Ленина: «Резкий, анти-религиозный тон, приписывание враждебной стороне стремлений к “поповщине”, – и глубокое религиозное мышление, с культом “абсолютного”» [Богданов, 1910].

В этом споре оба автора были односторонними. Как мы уже отмечали, А. Богданов создал довольно запутанное учение о видах опыта. Он различал социальный и индивидуальный опыт: «Если в едином потоке человеческого опыта мы

находим две принципиально различные закономерности, то все же обе они вытекают одинаково из нашей собственной организации: они выражают две биологически-организующие тенденции, в силу которых мы выступаем в опыте одновременно как особи и как элементы социального целого» [Богданов, 2003а: 24]. Что должны означать «биологически-организующие тенденции»? Общество к биологическим формам организации не относится. Человеческая телесность также сформировалась социально. Формы нашего индивидуального восприятия мира тоже социально обусловлены. К тому же, если однозначно принять, что мир – это совокупность социального опыта, то тогда наука имеет дело лишь с прошлыми состояниями действительности. А. Богданов прекрасно понимал, что одна из важнейших задач науки – предвидение будущего. Для того чтобы сделать это возможным в своей системе, он вводит понятие «возможного опыта»: «Наш *universum* есть, прежде всего, мир опыта, но это не только мир непосредственного опыта; нет, он гораздо шире. Как мир возможного непосредственного опыта, он простирается в бесконечность, то есть имеет тенденцию неопределенно далеко расширяться» [Богданов, 2003а: 337]. Но неужели «возможный опыт» – это опыт в том же смысле слова, который был изначально определен? Сомнительно.

В. Ленин, в свою очередь, развивал теорию материализма, которая была несколько измененной версией материализма XVIII в. Он разделял сенсуалистскую гносеологию, считая, что «все знания из опыта, из ощущений, из восприятий» [Ленин, 1968: 129]. Вождь большевиков признавал, что мир непосредственно отражается в человеческом мозге: «Именно: 1) физический мир существует независимо от сознания человека и существовал задолго до человека, до всякого “опыта людей”; 2) психическое, сознание и т.д. есть высший продукт материи (т.е. физического), есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека» [Ленин, 1968: 239]. «Кусок материи», в отношении которой В. Ленин клялся, что рассматривает эту категорию исключительно гносеологически, может разве что умилить. Такие выражения просто выпадают за пределы философского мышления.

Оба автора после этого спора не остались на месте, но, следя за работами друг друга, они создавали картины мира с противоположными начальными условиями. А. Богданов был убежден, что «...первичный момент, порождающий изменение, возникновение, разрушение, развитие орга-

низационных форм, или основа формирующегося текстологического механизма, есть соединение комплексов» [Богданов, 2003б: 88]. В. Ленин свой фрагмент «К вопросу о диалектике» начинает так: «Раздвоение единого и познание противоположных частей его <...> есть суть (одна из “сущностей”, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [Ленин, 1969: 316]. А. Богданов писал: «Развитие не может создавать ничего нового по существу, а только новые и более сложные комбинации того, что в виде элементов имелось и раньше» [Богданов, 2003а: 53]. В. Ленин рассматривал две концепции развития – метафизическую (уменьшение и увеличение) и диалектическую (качественные преобразования). Он заключал: «Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая – жизненна. Только вторая дает ключ к самодвижению всего сущего; только она дает ключ к “скачкам”, к “перерыву постепенности”, к “превращению в противоположность”, к уничтожению старого и возникновению нового» [Ленин, 1969: 317]. В сущности, они говорили о разных аспектах действительности, но формально их высказывания были ориентированы друг против друга. А в тех условиях, в которых действовали эти авторы, именно слова имели значения. Ведь, как говорил А. Богданов, «значение слов в авторитарных идеологиях всегда было решающим; слова, это именно то, в чем верховные авторитеты себя выражают, и потому только слова бесспорны; правоверующего можно узнать только по “исповеданию”, то есть открытому признанию надлежащих словесных формул» [Богданов, 1910].

После 1917 г., когда идеи В. Ленина постепенно превратились в официальную основу духовной жизни СССР, система взглядов его оппонента была превращена в некую темную ересь. Это создало негативный эпистемологический фон для развития философии и наук, в первую очередь, общественных. Сейчас новая интерпретация их дискуссии может быть средством развития философии. Но при этом мы натолкнемся на одно обстоятельство, которое нельзя обойти стороной. Оба оппонента после этой дискуссии крупных философских произведений не писали. В. Ленин занимался изучением немецкой классики, в первую очередь, произведений Гегеля. В конспектах он сделал такое замечание: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов больше по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски» [Ленин, 1969: 161]. Он нигде не напишет, что он сам так критиковал А. Богданова. Эти слова по контексту относились

к Г. Плеханову. А. Богданов вообще отказался от философии, считая, что её должна заменить всеобщая организационная наука – текстология. Он был убежден, что «...по мере своего развития текстология должна делать излишней философию, и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с её универсальностью научный и практический характер» [Богданов, 2003б: 86].

Идейная эволюция В. Ленина после «Материализма и эмпириокритицизма» не является предметом моего рассмотрения. Философскую же неудачу А. Богданова я предлагаю объяснить тем, что он философским языком излагал социологические идеи. В итоге возникла противоречивая философская система, дающая путаное описание действительности, познания и социальной практики. Думаю, что возможно дать социологическое переопределение богдановских идей.

Теоретическая социология А. Богданова. Основанием для того, чтобы рассматривать идеи А. Богданова как социологические, служит признание им общества как особой реальности. Уже в «Эмпириомонизме» он утверждал, что «общественные формы надындивидуальны» [Богданов, 2003а: 245]. Здесь же он писал: «Общество представляет собой не механическую группировку элементов, но жизненную систему, части которой находятся в органической связи между собой» [Богданов, 2003а: 246].

Богданов пошел дальше. С его точки зрения, социальная система состоит из институциональных и групповых образований, но они получают свою действенность, воплощаясь в живых индивидах. Общество не состоит из людей, но существует лишь через них. Люди – и не социальные Робинзоны, и не марионетки Левиафана, а члены огромного трудового коллектива. Теоретик связал сказанное с определенными пространственными характеристиками бытия социальной системы: «Социальные комплексы могут быть очень различного вида и состава, но обычно общей чертой их является отсутствие пространственной непрерывности.носителем социальной жизни выступает человеческий организм; и элементы одной и той же социальной формы обыкновенно входят в состав различных человеческих особей как их психофизиологические приспособления или прямо совпадают с этими особями. Социальный комплекс – будет ли это “техническое приспособление” или “норма”, или “идея”, или “класс”, или “группа” – пространственно разбросан и разъединен при всем своем жизненном единстве» [Богданов, 2003а: 255–256]. В сноске он специально

подчеркивает, что личность как социальная форма пространственно едина [Богданов, 2003а: 256].

Фундаментальным вопросом, на который отвечает каждый социолог-теоретик, есть вопрос о природе социальной реальности. А. Богданов описывает социальность как систему трудовых коллективных взаимодействий. В сущности, для него общество – это огромный трудовой коллектив. Он возник в древности, о которой автор ничего определенного сказать не может. Но он уверен, что «совместная борьба за жизнь сплотила людей в стадные родовые группы раньше, чем их единение приобрело идеологические формы» [Богданов, 2003б: 121]. У Богданова это означает – еще до возникновения языка. Он подчеркивал, что и в дальнейшем сущностно социальность не менялась. Несмотря на все формы классового расслоения, несмотря на разные формы разрыва верхов и низов «индивидуалистическое общество в его чистом виде <...> не существует» [Богданов, 1910]. С точки зрения Богданова, машинное производство сделало возможным восстановить подлинную человеческую коллективность: «Живую машину сменила мертвая, а на её железных плечах поднялся над старым обществом новый человеческий тип: рабочий машинной системы производства. Тогда началась та эпоха культурной истории, которую по справедливости можно назвать эпохой собирания человека» [Богданов, 1910]. А. Богданов всегда нынешнюю перспективу увязывал с историей: «Душу исторических коллективов представляют их основные формы сотрудничества. Высший коллектив характеризуется товарищеской связью» [Богданов, 1924: 333].

Трудовой коллектив противостоит природе и связан через труд как объективный процесс с ней. Человек как существо орудийно деятельное создает системы вещей, которые, в свою очередь, определяют отношения между людьми. А. Богданов писал: «Вся система производства, взятая в целом, состоит из людей и вещей: работников и средств производства, общественно-трудовых активностей, с одной стороны, завоеванных обществом энергий природы в виде орудий, материалов и продуктов – с другой стороны. Соотношение явно то же: совокупность вещей в производстве дополняется сотрудничеством людей; за счет вещей, путем усвоения их энергий через потребление продуктов, поддерживаются и воспроизводятся рабочие силы людей; затраты же трудовой энергии людей служат для поддержания и воспроизводства комплекса технических вещей; так взаимно обуславливается устойчивость

и развитие обеих частей системы» [Богданов, 2003б: 198–199].

А. Богданов подробно развил диалектику орудий труда и человеческой коллективности. Это ему казалось особенно важным, так как «человека так и определяют, как существо, делающее орудия. Следовательно, организационных принципов техники надо искать в отношениях человека к орудию» [Богданов, 1923б: 273]. В этих отношениях автор выделил три параметра: 1) конфигурация отношений «орудие-коллектив-индивид»; 2) консервативность или пластичность; 3) стихийность или сознательность. За всю историю человечества сменилось четыре типа рассматриваемых отношений. Первый характеризуется, как «...стихийно-органическая, консервативная связь орудия с коллективом» [Богданов, 1923б: 275]. Второй этап – это «...стихийно-органическая и консервативная связь орудия с индивидом в коллективе» [Богданов, 1923б: 276]. Третий этап характеризовался сознательной пластической связью орудия с индивидом в коллективе [Богданов, 1923б: 277]. Для четвертого этапа характерна «...сознательная, пластическая связь орудия с коллективом» [Богданов, 1923б: 278].

Теоретик подчеркивает, что, рассматривая технику, нужно принять во внимание то обстоятельство, что сам человек выступает орудием как для коллектива, так и для других людей. На каждом этапе технического развития использование людей в производстве подчиняется общим закономерностям. Так, на четвертом этапе утверждается «...сознательная, пластическая связь человека как орудия с его коллективом. <...> Эту форму сотрудничества я обозначаю как коллективистическую» [Богданов, 1923б: 281]. На этом этапе от человека требуется всестороннее развитие личности.

Техника – это базовая сфера общественной жизни. А. Богданов утверждал, что «...технический процесс есть генетически первичная область социальной жизни, что только из него может исходить всякое социальное развитие» [Богданов, 2003а: 265]. Но техникой дело не ограничивается: «...Техника – это организация вещей человеком для общества; экономику мы можем обозначить как организацию людей, точнее – человеческих трудовых активностей, а идеологию как организацию опыта или организацию идей» [Богданов, 1923б: 273].

В анализе общества важно учитывать взаимодействие системы со средой. Среда соотносительна с системой, ибо она «есть совокупность

внешних воздействий, под которыми находится система, но взятых именно по отношению к ней. Поэтому другая система – другая среда» [Богданов, 2003б: 267]. Взгляд на отношения общества с природной средой как на общественный метаболизм позволяет изучать его энергетические характеристики. Этим взаимодействием обусловлен социальный подбор, который обуславливает эволюцию общества и его подсистем. Подбор у Богданова играет роль основы социального детерминизма. Он подчеркивал, что подбор общественных форм осуществляется единством природных и социальных факторов. Но природные особенности меняются медленно, поэтому основную роль играет именно социальный подбор [Богданов, 2003а: 246]. Наверное, А. Богданов в данном случае отталкивался от идей Э. Дюркгейма, который в «Метод социологии» доказывал положение, согласно которому «причины социальных явлений находятся внутри общества» [Дюркгейм, 1995]. Богдановская версия этого положения вошла в советский истмат. В догматическом тексте «О диалектическом и историческом материализме», который издавался как произведение И. Сталина, прямо повторялись аргументы А. Богданова (естественно, без ссылки на него). Там утверждалось первенство социальных факторов в сравнении с влиянием географической среды, которая «...ускоряет или замедляет ход развития общества. Но её влияние не является определяющим влиянием, так как изменение и развитие общества происходит несравненно быстрее, чем изменение и развитие географической среды» [Сталин, 1945: 19].

Создатель тектологии рассмотрел несколько видов подбора. Консервативный подбор только сохраняет систему. Прогрессивный подбор (от слова «прогрессия») способствует её динамике. Он может быть положительным или отрицательным. «Положительный и прогрессивный подбор означает увеличение суммы активностей, организованных в форме данного комплекса, при сохранении его структуры, способа организации. <...> Отрицательный прогрессивный подбор означает уменьшение суммы активностей комплекса при сохранении или разрушении его структуры» [Богданов, 2003б: 331–332]. В общественных изменениях эти виды подбора взаимосвязаны: «Положительный подбор есть стихийное творчество жизни, отрицательный – её стихийный регулятор» [Богданов, 2003а: 261].

Общественная жизнь возможна благодаря единству вещей, людей и идей, достигаемому за счет организации. Организационная дея-

тельность – это деятельность идеологическая: «Идеология есть орудие организации общества, производства, классов и вообще всяких общественных сил или элементов, без которого эта организация невозможна» [Богданов, 1923а: 6]. В этом суть утверждения о фактическом тождестве общественного сознания и общественно-го бытия, на которое так обрушился В. Ленин. А. Богданов специально подчеркивал: «Идеология – не шпиль. Не резная решетка, не золоченое украшение на здании общественного труда и хозяйства; она – его кровля, без которой оно не может существовать» [Богданов, 1923а: 5].

А. Богданов понимал идеологию значительно шире, чем большинство социологов. Для него идеология тождественна общественному сознанию, и изучать её «значит изучать, что, какими способами люди выражают и понимают» [Богданов, 1923а: 10]. Если применить к богдановским идеям категориальные сетки советского истмата или франкфуртской школы, понятия В. Беньямина или К. Мангейма, то мы можем сделать ложные выводы. Ближе всего к богдановскому пониманию идеологии подходит идея смысла как основополагающего продукта операций социальной системы у Никласа Лумана. Немецкий ученый писал: «Тезис о смысле задает рамки возможных высказываний об обществе. Общество – это система конституирующая смысл» [Луман, 2004: 50].

В человеческой истории А. Богданов выделил четыре идеологические эпохи: 1) первобытных культур; 2) культур авторитарных; 3) индивидуалистических культур; 4) коллективистической культуры [Богданов, 1923а: 45]. Как видим, они соответствуют периодам в орудийной деятельности людей.

Ряд идеологических форм у А. Богданова простирается от языка до философии. Первая идеологическая форма и исторически, и сущностно – естественный язык: «Язык есть идеология, то есть часть общественного сознания, и потому иногда в нем есть скрытое решение вопросов, которых не в силах разрешить отдельные ученые» [Богданов, 1923а: 98]. В рамках каждой идеологической эпохи развитость идеологических форм и их конфигурации качественно меняется. Создатель тектологии стремился подходить к каждой эпохе как ученый, можно даже сказать, как естествоиспытатель. Он их описывает и объясняет. Исключение составляет последняя эпоха, которую А. Богданов просто проповедует.

Кратко остановимся на характеристике каждой эпохи. Первобытную эпоху А. Богданов

описывает через понятие «стихийный консерватизм»: «Когда чуть теплится огонек жизни, всякое колебание для него опасно, грозит погасить его бесповоротно» [Богданов, 1918: 38]. По мнению исследователя, в эту эпоху не было нормативной регуляции, не было мировоззрения. Каждый член первобытного коллектива подчинялся всему строю общественной жизни как единой норме [Богданов, 1918: 39]. В другом месте читаем: «Мышление людей при этом имеет “сплошной” характер. Группа живет как целое; нет личности, нет идеи “я”, как особого центра интересов и стремлений. Оттого в первобытных языках и не было личных местоимений» [Богданов, 1918: 10].

На этой стадии, когда жизнь человеческая была невероятно бедна, сущность общества как трудового коллектива выступает перед каждым его членом в её простой предметности. «Первобытный коллективизм был стихийным, как само тогдашнее мышление» [Богданов, 1923а: 76].

Следующая эпоха наступает как результат перехода к производящему хозяйству. У родовой общины появляется прибавочный продукт, она трансформируется в соседскую. Деятельность усложняется, дробится на «специальные работы», весь объем информации относительно её видов не может удерживаться в сознании каждого члена общества. Возникает необходимость в организаторах. Организационный труд отделился от исполнительского, «возникло авторитарное сотрудничество» [Богданов, 1923а: 79]. Первыми организаторами были патриархи, которые разделяли труд в своих общинах. Богдановская фигура патриарха перекликается с такой же фигурой у З. Фрейда [Фрейд, 2010]. Идеи умершего патриарха продолжали руководить общиной, порождая ощущение его присутствия после смерти. «Уходя в даль прошлого, образы предков-организаторов растут в сознании потомков, достигая сверхчеловеческих размеров; уважение к ним переходит, наконец, в настоящее обожествление. Так почитание предков привело к созданию богов и положило начало древнейшим религиям» [Богданов, 1923а: 100].

А. Богданов подчеркивает, что на этой стадии человек удваивается, и вместе с этим удваивает и мир. «Так совершалось первое дробление человека – отделение “головы” от “рук”, повелевающего от повинующегося; так возникает авторитарная форма жизни» [Богданов, 1918: 14]. Человек удваивается на тело и душу. Появляется анимистическое мировоззрение: «Анимизм на первых своих ступенях и охватывает всю природу, вкла-

дывает “души” во все предметы: человек, зверь, растение, камень, река, – все получает своих внутренних организаторов» [Богданов, 1923а: 94].

Авторитарная идеология складывается на последнем этапе первобытности, а своего высшего расцвета достигает в период феодализма. В отличие от позднейших теоретиков А. Богданов рассматривал феодализм в качестве первой ступени классового общества. Предпосылки для него сложились с переходом от родовой общины к соседской [Богданов, 1923а: 111]. В это время возникают религиозные системы, отражающие феодальную иерархию. При феодализме «из обычной выделились обычное право, а затем право-закон, чаще всего называемое “писанным правом”» [Богданов, 1923а: 133].

У А. Богданова феодализм прерывается рабовладением: «Последовавший за феодализмом в Греции рабовладельческий строй мало изменил феодально-родовые черты народной религии, потому что в основе тоже был авторитарным» [Богданов, 1923а: 123].

Индивидуалистические культуры появляются на меновой стадии общественного развития, когда «сотрудничество скрыто под внешней самостоятельностью предприятий, замаскировано борьбой. И товаропроизводитель не мыслит ни общества, как трудового коллектива, ни себя и других членов его, как сотрудников» [Богданов, 1923а: 144]. Меновые отношения не тождественны обмену в период промышленного капитализма. Они играли важную роль и в период античного рабовладения. И уже здесь обозначилась двойственность этих отношений: «Внутри рабовладельческое хозяйство было организовано как всецело авторитарное; между хозяйствами преобладали меновые связи. К этой двойственности должна была приспособливаться вся античная идеология» [Богданов, 1923а: 177].

Двойственность сохраняется и при промышленном капитализме: «Авторитет капитализма, это – его деньги, меновая ценность, которою он располагает. Следовательно, авторитарное сотрудничество здесь пропитано меновой рыночной связью: образуется нераздельное сочетание обоих форм» [Богданов, 1923а: 216].

Не хочу, чтобы из-за сжатости изложения возникло впечатление об излишнем сближении рабовладельческого и капиталистического обществ в анализе А. Богданова. Он отмечал: «И для капиталиста, и для рабовладельца основная тенденция жизни есть, конечно, прогресс эксплуатации. Но в то же время как для рабовладельца эта тенденция

всецело заменяла и вытесняла тенденцию технического прогресса, для капиталиста она сливается с этой последней» [Богданов, 1923а: 315].

Исторический процесс для А. Богданова – это результат деятельности огромных масс людей в длительной исторической перспективе. Каждый из участников этого процесса вносил в него свой особый вклад; у одних он очень заметный, у других незначительный. Однако даже перевороты в производстве, вехами которых становились великие открытия и изобретения, готовятся совокупной социальной деятельностью. Ученый писал: «Теперь изобретатели, на самом деле, иногда “выдумывают” новые машины для производства. Но это возможно потому, что сама жизнь дала им практические способы для этого, научила разлагать самые сложные человеческие движения на простейшие, которые легко воспроизводить механически. То, что раньше делалось ощупью, бессознательно, теперь выполняется сознательно, то есть строго выработанными, точными приемами» [Богданов, 1919: 5].

Машинное производство, по мнению Богданова, ведет к формированию коллективистской культуры. Это был и его прогноз, и его надежда. Сама стилистика текстов об этом ожидаемом периоде отличается от того, что он писал о предшествующих трёх. Здесь качественно меняется сама социальная солидарность: «В ней преобладает не сострадание, а сорадование» [Богданов, 1918: 76]. Человечество получает необычайно сильные стимулы для экономического развития, хотя в этих условиях экономика перестает быть самоцелью. Для того чтобы стало понятным последнее утверждение, придется привести две достаточно длинные цитаты. Первая касается стимулов для развития общества: «Борьба между людьми, их конкуренция, соревнование – всё это только производные стимулы развития, и за ними скрываются иные, глубже их лежащие, – стимулы первичные. Эти последние возникают там, где человек встречается лицом к лицу с природой, где в непосредственной борьбе с нею он сам выступает как производительная, как творческая сила» [Богданов, 1918: 86]. Из этого положения делался вывод о коллективистской культуре: «Все это с полной определенностью приводит к тому выводу, что наибольшая скорость и энергия прогресса, наибольшая его разносторонность и гармоничность могут быть достигнуты только в таком обществе, которое своей социальной формой будет иметь товарищеское сотрудничество, своими рамками – границы человечества» [Богданов, 1918: 89].

Анализируя каждую культурную эпоху, А. Богданов подробно останавливается на развитии языка. Ему представлялось, что проблема происхождения языка в основном решена. Как и Г. Плеханов [Плеханов, 1922: 48], с которым он остро спорил по философским вопросам, А. Богданов огромное внимание уделяет гипотезе происхождения речи из трудовых криков Людвига Нуаре и теории основной метафоры Макса Мюллера. О происхождении языка он писал так: «...В трудовом акте, кроме его произвольной сознательно-целесообразной стороны или части, есть еще непроизвольная; к ней относится трудовой крик» [Богданов, 1923а: 55]. Из нескольких десятков трудовых криков затем развилось все богатство человеческой речи. Развитие языка и развитие мышления – двуединый процесс, который объяснялся теорией М. Мюллера: «Самый важный шаг в расширении поля мысли состоял в том, чтобы словами, происшедшими из человеческого труда, обозначить явления природы. Этот шаг был сделан стихийно и незаметно в виде так называемой основной метафоры» [Богданов, 1923а: 65].

А. Богданов показывает, что каждая культурная эпоха – это и эпоха развития языка. После возникновения языка «первичные слова не были глаголами, а заключали в зародыше все нынешние части речи; основным значением было, правда, действие, из которого выделилось само слово; но с ним соединялось неопределенное множество близких значений» [Богданов, 1923а: 68]. А уже в период феодализма «речь достигла такого богатства выражений и такой их гибкости, что стала способной передавать почти всё переживаемое людьми» [Богданов, 1923а: 115]. Не вдаваясь в подробности богдановского анализа развития языка, отмечу его методологическую основу, которая включала язык в сами основы социальности. Ученый писал: «...Слово не могло мыслиться раньше, чем оно было произнесено между людьми. Если бы оно создавалось в индивидуальной душе, оно не было бы словом, потому что не было бы понятно никому, кроме создавшего. Но мы уже знаем, что оно возникло не в сознании отдельного человека, а в общем труде» [Богданов, 1923а: 60].

Одной из важнейших тем произведений А. Богданова является фетишизм, его происхождение, формы и перспективы преодоления. Под фетишизмом автор понимает превращение в общественной практике её момента в некий абсолют, с помощью которого объясняют реальное целое. Он возникает на авторитарной стадии культуры: «В авторитарном мире коллективные деяния всег-

да приписываются тому организатору, под руководством которого они совершались; это – основа всей его мифологии» [Богданов, 1910]. Вторая и наиболее развитая форма фетишизма связана с меновым обществом, ибо «в мышлении товаро-производителя отрыв познания от коллективной практики совершается естественно и неизбежно, благодаря тому, что трудовой коллектив для него не существует» [Богданов, 1910].

Капитализм неизбежно порождает метафизику. Критика метафизику как формы товарного фетишизма принадлежит к самым блестящим местам в произведениях А. Богданова. Скажем, из индивидуализма товарного общества он выводил основной вопрос философии: «“Сознание”, с которым имеет дело буржуазная мысль и систематизирующая её философия, это индивидуальное “я” с его жаждой личного самосохранения и самоутверждения. “Бытие”, это весь мир, от которого оно отграничено социальной враждой, недоверием к высказываниям людей, чувством бессилия своего крошечного существа перед стихиями и их тайнами. И вопрос о соотношении бытия и сознания, это в своей основе, практический вопрос личности о том, как ей, маленькой клетке, оторванной от своего целого, удержаться и сохранить себя такой, какова она есть, среди бесконечности со всех сторон окружающих её сил, враждебных или безразличных» [Богданов, 1910]. Товарный фетишизм породил такие категории философского мышления как материя, «вещь в себе», необходимость.

Критика философии Нового времени дается А. Богдановым с позиции социологии знания, но самим автором осмысливается как философская критика. Это ведет к искажению методологии. А. Богданов материи и сознанию противопоставляет опыт, рассматривая его как монистическую основу.

Методологические aberrации привели к тому, что к фетишистским формам сознания А. Богданов отнёс не только метафизику, но и мораль. Общую проблему возникновения норм в обществе он решал через усложнение общественной жизни, несогласованность её частей, возникающие на этой почве противоречия и конфликты. Общество, оставаясь в основе трудовым коллективом, превращается в арену борьбы эгоистических воль: «Этическое сознание и выразило в себе эту двойственную природу общества, являясь той формой, в которой материальная связь трудовой солидарности ограничивала и обуздывала анархические тенденции групп и личностей в борьбе их интересов. Фетишистский характер этого

сознания (абсолютный императив, религиозный или “категорический”), его “непостижимость” вытекала именно из противоречия между реальной связью сотрудничества, составляющей его основу, и скрывающими эту связь – формальной независимостью личностей в трудовом процессе и борьбе между ними» [Богданов, 1918: 106]. Из этого блестящего диалектического анализа А. Богданов делает плоское заключение о том, что в условиях трудовой солидарности люди откажутся от морали, заменив её рациональными нормами целесообразности. «Нормы целесообразности не имеют ничего общего с такой императивностью. Вполне типичный образец их – научно-технические правила. Правила эти, в сущности, никого и ни к чему не принуждают, а только указывают наилучшие способы к той или иной данной цели» [Богданов, 1918: 63]. Не менее, если не более, фетишистским, по Богданову, является и право товарного общества.

Создатель тектологии был убежден, что время фетишизма подходит к концу. При этом «падение великого фетишизма» виделось ему просто в религиозных образах второго пришествия, где является коллективный мессия, ибо «для мышления пролетарского действительное содержание “истины” открывается прямо в процессе производства. Там практический характер познания становится вполне очевидным в научной технике, роль истины как орудия борьбы с природой и власти над ней постоянно перед глазами рабочего, а равным образом и роль коллектива, как действующего субъекта этой борьбы и власти, субъекта, применяющего на деле орудие научной истины» [Богданов, 1910].

Описанную идейную конструкцию можно считать теоретической социологией А. Богданова. Кроме этого, в его работах содержится множество идей, касающихся различных сторон социальной жизни. Скажем, разграничив разделение труда и деление на организаторов и исполнителей как основания дифференциации общества, он выдвинул интересную гипотезу: «Чтобы не смешивать эти генетически неоднородные и жизненно-неисходные способы дробления общества, мы будем деление первого ряда обозначать термином “социальные группы” (земледельцы, ремесленники, торговцы и т.п.), деление второго ряда – термином “классы” (рабовладельцы и рабы, предприниматели и рабочие и т. д). Таким образом, типичное отношение социальных групп для нас будет специализация, типичным отношением классов – господство и подчинение» [Богданов, 2003а: 296].

Есть в произведениях А. Богданова примеры

блестящего анализа манипулятивных функций классовых идеологий. Приведу пример, приобретший особую актуальность в нынешних условиях: «Национализм состоит в том, что буржуазия старается вызвать в массах племенную и расовую вражду, чтобы борьбой национальной заменить борьбу классов. Развивая в народе страх перед военной силой других государств и жажду захвата новых территорий, господствующие классы пользуются тем и другим, чтобы усилить милитаризм. Это представляет для них, помимо того, что огромные армии нужны им для завоевания и удержания за собой внешних рынков, ещё двойное преимущество: во-1), армия есть строго авторитарная организация, школа слепого подчинения; и через эту школу проводится большинство молодых людей низших классов; во-2), армия – гигантская механическая сила в руках буржуазии, с успехом применяемая в тех случаях, где экономическая и политическая классовая борьба принимает оборот, неблагоприятный для буржуазных интересов» [Богданов, 1923а: 249]. Эти и подобные им положения выстраиваются в стройную систему взглядом, лишь когда становятся понятными их предпосылки в области теоретической социологии.

Выводы.

Современной рецепции социологических идей А. Богданова мешает неадекватный эпистемологический контекст, в который их поместил автор. Он их излагал или языком философии, или

языком тектологии. Сам А. Богданов, будучи в первую очередь талантливым социологом, не считал, что занимается этой наукой. Реконструкция его идей в предметном поле современной социологии позволяет увидеть в них эвристический потенциал. Представления о едином трудовом коллективе как об основе общества дают возможность социологам анализировать не только прошлое и нынешнее, но и перспективы будущего развития общества. А. Богданов предложил оригинальный поворот в анализе единства личности и общества, социального субъекта и социальной системы. Это все позволяет сделать вывод, что развитие его идей является актуальным для современной социологии и может стать перспективным направлением её развития. Конечно, это развитие можно осуществлять не путем слепой поддержки всего, написанного А. Богдановым. Его определение классов не позволяет их отличать от сословий. Его определение идеологии слишком широкое, но одновременно с тем жесткое. Оно связывает в неразличимое целое и стихийно возникшие формы мышления, и специально созданные теоретические конструкции. Его отрицание морали как фетишистской формы сознания выглядит необоснованным. Это же относится и к праву. Его вера в исцеляющее влияние на общество пролетариата осталась историческим примером нереализованных чаяний квазирелигиозного характера. Но критическая работа с наследием А. Богданова оправдывает все усилия.

Благодарности. Статья подготовлена во время стажировки в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Автор признателен за предоставленную возможность руководству ЛНУ имени Тараса Шевченко, в первую очередь ректору проф. С. В. Савченко и проректору по научной работе проф. Л. Ц. Ваховскому, а также принимающей стороне – ректору ХНУ имени В. Н. Каразина академику В. С. Бакирову и заведующей кафедрой социологии проф. Л. Г. Сокурнянской. Огромную помощь в работе мне оказали сотрудники Центральной научной библиотеки ХНУ имени В. Н. Каразина.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Аксельрод (Ортодокс) Л. Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. Сб. статей. Изд. 3-е. М. Ленинград : Гос. соц.-эк. изд-во, 1933. 220 с.
2. Биггарт Дж. Александр Богданов и теория «нового класса». Социологические исследования. 1993. С. 139–150.
3. Блауберг И. В., Садовский В. П., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем. Системные исследования. Ежегодник. 1969. Москва, 1969. С. 7–29.
4. Богданов А. А. Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). Москва : Издание С. Дорватовского и А. Чарушниковой, 1910. URL: <https://ruslit.tremlibrary.net/book/bogdanov-fetish/bogdanov-fetish.html>
5. Богданов А. А. Новый мир. 2-е изд. Москва : Коммунист, 1918. 120 с.
6. Богданов А. А. Между человеком и машиной. О системе Тэйлора. Харьков : Издание украинского центрального агентства по снабжению и распространению печати, 1919. 14 с.
7. Богданов А. А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Изд. 3-е. Пг.: Книгоиздательское товарищество «Книга», 1923а. 313 с.
8. Богданов А. А. Организационные принципы социальной техники и экономики. Вестник Социалистической Академии. М.: Госиздательство, 1923б. Книга 4. С. 272–284.
9. Богданов А. А. О пролетарской культуре. 1904 – 1924. Ленинград – Москва : Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.

10. Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. Москва : Политиздат, 1990. 479 с. (Библиотека социалистической мысли).
11. Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии / отв. ред. В. Н. Садовский. Послесловие В. Н. Садовского, А. Л. Андреева и М. А. Маслина. Москва : Республика, 2003а. 400 с.
12. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука / ред. коллегия: В. В. Попков (отв. ред.), Г. Д. Гловели, В. Д. Мехреков. Москва : Финансы, 2003б. 496 с.
13. Вайнштейн И. Тектология и тактика. Под знаменем марксизма. 1924. № 6-7. С. 90–96.
14. Володин А. И. Бой абсолютно неизбежен. Москва : Политиздат, 1982. 192 с.
15. Гессен Б., Подволоцкий И. Философские корни правого оппортунизма. Под знаменем марксизма. 1929. № 9. С. 1–29.
16. Гловели Г. Д., Фигуровская Н. К. Трагедия коллективиста. Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. Москва : Политиздат, 1990. С. 3–27.
17. Деборин А. М. Ленин как мыслитель. Изд. 3-е. Москва – Ленинград : Государственное издательство, 1929. 168 с.
18. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение пер. с фр., составление, послесловие, примечания А. Б. Гофмана. Москва : Канон, 1995. 352 с. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1372596651.pdf> (дата обращения 21.12.2019).
19. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. Москва : Политиздат, 1980. 175 с.
20. Кириллов В. Мы. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/poesia/kirillov.php>.
21. Квитка И. И. Философские идеи А. А. Богданова. Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 7. С. 56–62.
22. Костицын В. И. Пермский университет: 100-летие ученых, государственные памятники истории и культуры. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. 66 с.
23. Кривцов Ст. Памяти А. А. Богданова. Под знаменем марксизма. 1928. № 4. С. 179–186.
24. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. Москва : 1968. 525 с.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. Москва : Политиздат, 1969. 782 с.
26. Локтионов М. В. А. А. Богданов как основоположник общей теории систем. Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.
27. Любутин К. Н., Толмачев В. Д. Александр Богданов: от философии к тектологии. Екатеринбург : Издательство «Банк культурной информации», 2005. 244 с.
28. Луман Н. Общество как социальная система. Общество общества I. Пер. с нем. А. Антоновский. Москва : Логос, 2004. 232 с.
29. Луценко А. В. Историография научного творчества А.А. Богданова. Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 148–152.
30. Моисеев Н. Н. Тектология Богданова: современные перспективы. Вопросы философии. 1995. № 8. URL: <https://texts.news/uchebniki-istoriya-filosofii/nmoiseev-tektologiya-bogdanova-sovremennyye-31648.html>.
31. Павлов Е. В. «Когда родился Цезарь?» Теория и практика истины у Плеханова и Богданова. STASIS. 2017. Том. 5. № 2. С. 350–383.
32. Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. 2-е изд. Москва : Кооперативное издательство «Московский рабочий», 1922. 182 с.
33. Попков В. В. Наука и вера Александра Богданова. Философия и культура. 2013. № 4. С. 437–448.
34. Протыко Т. С., Грицанов А. А. Александр Богданов. Мн. : Книжный дом, 2009. 256 с.
35. Разумовский И. П. Сущность идеологического воззрения. Вестник Социалистической Академии. 1923. Кн. 4. Апрель – Июль. Москва : Госиздательство, 1923. С. 223–271.
36. Рисполи Дж. Теории систем и эволюционные трансакции в контексте учения А. А. Богданова. Философские науки. 2014. № 12. С. 50–65.
37. Рыбас А. Е. Рецепция философских идей А. А. Богданова на Западе. Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2010. Вып. 4. С. 25–29.
38. Рыбас А. Е. К вопросу о забытой полемике (А. А. Богданов – В. И. Ленин). Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 1. С. 52–61.
39. Сетров М.И. Степень и высота организации систем. Системные исследования: Ежегодник. Под ред. И.Г. Блауберга. Москва : Наука, 1969. С. 156–168.
40. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. Москва : ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. 36 с.
41. Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы. Системные исследования. Ежегодник. Под ред. И.Г. Блауберга. Москва : Наука, 1972. С. 200–277.
42. Тахтаджян А. Л. Principia Teologica. Принципы организации и трансформации сложных систем: эволюционный подход. Изд. 2-е, доп. и перераб. Санкт-Петербург : Издательство СПбХФА, 2001. 121 с.
43. Фрейд З. Тотем и табу. Харьков : Фолио, 2010. 384 с.
44. Щеглов А. В. Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма. Москва : Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. 228 с.
45. Щеглов А. В. Советская философия в 20 – 40-х годах (в период от смерти В. И. Ленина до XX съезда КПСС). Учебно-методическое пособие. Кишинёв : Кишинёвский государственный университет, 1965. 29 с.
46. Щеглов А. В. Развитие марксистской философии в трудах В. И. Ленина. Изд. 3-е. Кишинёв : Штиинца, 1977. 123 с.
47. Grille D. Lenins Rivale Bogdanov und seine Philosophie. Köln : Verlag Wissenschaft und Politik, 1966. 263 p.
48. Sochor Z. A. Revolution and Culture. The Bogdanov – Lenin Controversy. Ithaka & London : Cornell University Press, 1988. 258 p.

REFERENCES

1. Aksel'rod (Ortodoks), L. (1933). *Protiv idealizma. Kritika nekotoryh idealisticheskikh tendentsij filosofskoj mysli. Sb. Statej [Against idealism. Criticism of some idealistic currents of philosophical thought]*. 3th. ed. Moskva – Leningrad: Gos. soc.-jek. izd-vo [in Russian].
2. Biggart, Dzh. (1993). Aleksandr Bogdanov i teorija «novogo klassa» [Alexander Bogdanov and the theory of the «new class»]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological Studies*, 139–150 [in Russian].
3. Blauberger, I. V., Sadovskij, V. P., & Judin, Je. G. (1969). Sistemnye issledovanija i obshaja teorija system [System studies and general systems theory]. *Sistemnye issledovanija – System studies*, 7—29 [in Russian].
4. Bogdanov, A. A. (1910). *Padenie velikogo fetishizma (sovremennyy krizis ideologii). Vera i nauka (o knige V. Il'ina «Materializm i empiriokriticizm») [The fall of the great fetishism (the modern crisis of ideology). Faith and Science (about V. Ilyin's book Materialism and Empiriocriticism)]*. Moskva: Izdanie S. Dorvatovskogo i A. Charushnikova. Retrieved from <https://ruslit.raumlibrary.net/book/bogdanov-fetish/bogdanov-fetish.html> [in Russian].
5. Bogdanov, A. A. (1918). *Novyy mir [The New World]*. 2th ed. Moskva: Kommunist [in Russian].
6. Bogdanov, A. A. (1919). *Mezhdru chelovekom i mashinoy. O sisteme Tejlora [Between man and machine. About the Taylor system]*. Har'kov: Izdanie ukrainskogo central'nogo agentstva po snabzheniju i rasprostraneniu pechati [in Russian].
7. Bogdanov, A. A. (1923a). *Nauka ob obshchestvennom soznanii. Kratkij kurs ideologicheskoy nauki v voprosah i otvetah [The science of public consciousness. A short course in ideological science in questions and answers.]*. 3th ed. Pg.: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo “Kniga” [in Russian].
8. Bogdanov, A. A. (1923b). Organizacionnye principy social'noj tehniki i ekonomiki [Organizational principles of social technology and economy]. *Vestnik Socialisticheskoy Akademii – Bulletin of the Socialist Academy*. (Vol. 4), (pp. 272–284). Moskva: Gosizdatel'stvo [in Russian].
9. Bogdanov, A. A. (1924). *O proletarskoj kul'ture. 1904–1924 [On proletarian culture. 1904–1924]*. Leningrad – Moskva: Izdatel'skoe tovarishchestvo “Kniga” [in Russian].
10. Bogdanov, A. A. (1990). *Voprosy socializma: Raboty raznyh let [Questions of socialism: Works of different years]*. Moskva: Politizdat [in Russian].
11. Bogdanov, A. A. (2003a). *Empiriomonizm. Stat'i po filosofii [Empiriomonism. Articles on Philosophy]*. V. N. Sadovskij (Ed.). Moskva: Respublika [in Russian].
12. Bogdanov, A. A. (2003b). *Tektologija. Vseobshchaja organizacionnaja nauka [Tectology. General Organizational Science]*. V. V. Popkov (Ed.). Moskva: Finansy [in Russian].
13. Vajnshtejn, I. (1924). Tektologija i taktika [Tectology and tactics]. *Pod znamenem marksizma – Under the banner of Marxism*, 6–7, 90–96 [in Russian].
14. Volodin, A. I. (1982). *Boj absoljutno neizbezhen [Fighting is absolutely inevitable]*. Moskva: Politizdat [in Russian].
15. Gessen, B., & Podvolockij, I. (1929). Filosofskie korni pravogo opportunizma [Philosophical roots of right opportunism]. *Pod znamenem marksizma – Under the banner of Marxism*, 9, 1–29 [in Russian].
16. Gloveli, G. D., & Figurovskaja, N. K. (1990). Tragedija kollektivista [The tragedy of the collectivist]. *Voprosy socializma. Raboty raznyh let – Questions of socialism. Works of different years*. (pp. 3–27). Moskva: Politizdat [in Russian].
17. Deborin, A. M. (1929). *Lenin kak myslitel' [Lenin as a thinker]*. 3th ed. Moskva – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo [in Russian].
18. Djurkgejm, E. (1995). *Sociologija. Ejo predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]*. (A. B. Gofman, Trans.). Moskva. Retrieved from <http://library.khpg.org/files/docs/1372596651.pdf> (obrashhenie 21. 12. 2019 g.). [in Russian].
19. Il'enkov, E. V. (1980). *Leninskaja dialektika i metafizika pozitivizma [Lenin's dialectic and the metaphysics of positivism]*. Moskva: Politizdat [in Russian].
20. Kirillov, V. My [We]. Retrieved from <http://a-pesni.org/grvojna/poesia/kirillov.php> [in Russian].
21. Kvitka, I. I. (2006). Filosofskie idei A. A. Bogdanova [The philosophical ideas of A. A. Bogdanov]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*, 7, 56–62 [in Russian].
22. Kostitsyn, V. I. (2003). Permskij universitet: 100-letie uchenyh, gosudarstvennye pamjatniki istorii i kul'tury [Perm University: 100th anniversary of scientists, state monuments of history and culture]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta [in Russian].
23. Krivtsov, St. (1928). Pamjati A. A. Bogdanova [In memory of A. A. Bogdanov]. *Pod znamenem marksizma – Under the banner of Marxism*, 4, 179–186 [in Russian].
24. Lenin, V. I. (1968). *Poln. sobr. soch. [The complete collection of works]*. Vol. 18. Moskva [in Russian].
25. Lenin V. I. (1969). *Poln. sobr. soch. [The complete collection of works]*. Vol. 29. Moskva: Politizdat [in Russian].
26. Loktionov, M. V. (2016). A. A. Bogdanov kak osnovopolozhnik obshchej teorii system [A. A. Bogdanov as the founder of the general theory of systems]. *Filosofija nauki i tehniki – Philosophy of Science and Technology*, 21 (2), 80–96 [in Russian].
27. Ljubutin, K. N., & Tolmachev, V. D. (2005). *Aleksandr Bogdanov: ot filosofii k tektologii [Alexander Bogdanov: from philosophy to tectology]*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo “Bank kul'turnoj informatsii” [in Russian].
28. Luman, N. (2004). *Obshchestvo kak social'naja sistema. Obshchestvo obshchestva I [Society as a social system. Society Society I]*. (A. Antonovskij, Trans.). Moskva: Logos [in Russian].
29. Lutsenko, A. V. (2018). Istoriografija nauchnogo tvorchestva A. A. Bogdanova [Historiography of scientific creativity A. A. Bogdanov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 429, 148–152 [in Russian].
30. Moiseev, N. N. (1995). Tektologija Bogdanova: sovremennye perspektivy [Bogdanov's tectology: modern perspectives].

- Voprosy filosofii – Problems of philosophy*, 8. Retrieved from <https://texts.news/uchebniki-istoriya-filosofii/nmnoiseev-tektologiya-bogdanova-sovremennye-31648.html> [in Russian].
31. Pavlov, E. V. (2017). «Kogda rodilsja Cezar?» Teorija i praktika istiny u Plehanova i Bogdanova [“When was Caesar born?” Plekhanov and Bogdanov’s theory and practice of truth]. *STASIS*, 5 (2), 350–383 [in Russian].
32. Plehanov, G. V. (1922). *Osnovnye voprosy marksizma [Basic questions of Marxism]*. 3th ed. Moskva: Kooperativnoe izdatel’stvo “Moskovskij rabochij” [in Russian].
33. Popkov, V. V. (2013). Nauka i vera Aleksandra Bogdanova [The Science and Faith of Alexander Bogdanov]. *Filosofija i kul’tura – Philosophy and culture*, 4, 437–448 [in Russian].
34. Prot’ko, T. S., & Gricanov, A. A. (2009). Aleksandr Bogdanov [Alexander Bogdanov]. Mn.: Knizhnyj dom [in Russian].
35. Razumovskij, I. P. (1923). Sushchnost’ ideologicheskogo vozzrenija [The essence of ideological view]. *Vestnik Socialisticheskoj Akademii – Bulletin of the Socialist Academy*. (Vol. 4), (pp. 223–271). Moskva: Gosizdatel’stvo, 1923 [in Russian].
36. Rispoli, Dzh. (2014). Teorii sistem i jevoljucionnye transakcii v kontekste uchenija A. A. Bogdanova [Theories of systems and evolutionary transactions in the context of the teachings of A. A. Bogdanov]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*, 12, 50–65 [in Russian].
37. Rybas, A. E. (2010). Recepcija filosofskih idej A. A. Bogdanova na Zapade [Reception of philosophical ideas by A. A. Bogdanov in the West]. *Vestnik SPbGU. Ser. 6 – Vestnik SPbSU. Series 6*, 4, 25–29 [in Russian].
38. Rybas, A. E. (2016). K voprosu o zabytoj polemike (A. A. Bogdanov – V. I. Lenin) [On the question of forgotten polemics (A. A. Bogdanov – V. I. Lenin)]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17 – Vestnik SPbSU. Series 17*, 1, 52–61 [in Russian].
39. Setrov, M. I. (1969). Stepen’ i vysota organizacii system [The degree and height of organization of systems]. *Sistemnye issledovanija – System Studies. I. G. Blauberger (Ed.)*. (pp. 156–168). Moskva: Nauka [in Russian].
40. Stalin, I. V. (1945). *O dialekticheskom i istoricheskom materializme [On dialectical and historical materialism]*. Moskva: OGIZ; Gospolitizdat [in Russian].
41. Tahtadzhjan, A. L. (1972). Tektologija: istorija i problem [Tectology: history and problems]. *Sistemnye issledovanija – System Studies. I. G. Blauberger (Ed.)*. (pp. 200–277). Moskva: Nauka [in Russian].
42. Tahtadzhjan, A. L. (2001). *Principia Tectologica. Principy organizacii i transformacii slozhnyh sistem: evoljucionnyj podhod [Principia Tectologica. Principles of organization and transformation of complex systems: an evolutionary approach]*. 2th ed., rev. Sankt-Peterburg: Izdatel’stvo SPHFA [in Russian].
43. Frejd, Z. (2010). *Totem i tabu [Totem and taboo]*. Har’kov: Folio [in Russian].
44. Shcheglov, A. V. (1937). *Bor’ba Lenina s bogdanovskoj reviziej marksizma [Lenin’s struggle with the Bogdan revision of Marxism]*. Moskva: Gos. soc.-jek. izd-vo [in Russian].
45. Shcheglov, A. V. (1965). *Sovetskaja filosofija v 20 – 40-h godah (v period ot smerti V. I. Lenina do XX sezda KPSS) [Soviet philosophy in the 20’s - 40’s (in the period from the death of VI Lenin to the 20th Congress of the CPSU)]*. Kishin’jov: Kishin’jovskij gosudarstvennyj universitet [in Russian].
46. Shcheglov, A. V. (1977). *Razvitie marksistskoj filosofii v trudah V. I. Lenina [The development of Marxist philosophy in the works of V.I. Lenin]*. 3th ed. Kishin’jov: Shtiinca [in Russian].
47. Grille, D. (1966). *Lenins Rivale Bogdanov und seine Philosophie*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik.
48. Sochor, Z. A. (1988). *Revolution and Culture. The Bogdanov – Lenin Controversy*. Ithaka & London: Cornell University Press, 1988.

Кононов Ілля Федорович

Доктор соціологічних наук, професор
Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка
92700, м. Старобільськ, пл.Гоголя, 1

Email: kononov_if@ukr.net

Kononov Illia

Doctor of Sociology, Full Prof.
Luhansk Taras Shevchenko National University
1, Gogol Sq., Starobilsk, 92700, Ukraine

Цитування: Кононов І. Ф. Олександр Богданов: нереалізований проєкт соціології. Науково-теоретичний альманах «Грані». 2019. Т. 22, № 12. С. 50-66.

Citation: Kononov, I.F. (2019). Oleksandr Bohdanov: nerealizovanyi proekt sotsiologhii. [Alexander Bogdanov: unimplemented project of sociology]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 22 (11), 50-66.

Стаття надійшла / Article arrived: 16.11.2019

Схвалено до друку / Accepted: 20.12.2019